

И. Е. АНДРОНОВ

ИСТОРИЗМ И ЛОКАЛЬНЫЙ МЕТОД В ТРУДАХ ТОММАЗО КАМПЕДЖИ 1554-1561 гг.

Межконфессиональный диспут в эпоху Тридентского Собора продемонстрировал недостаточность традиционных механизмов полемики для опровержения позиций оппонентов. Постепенно диспут перешёл в область церковной истории. Работы епископа Томмазо Кампеджи иллюстрируют момент перехода от господства локального метода в богословии к тенденции основывать идеологические тезисы на историческом материале. Высказываясь по ряду острых вопросов церковной жизни, католический теолог стремился предупредить массивный удар протестантской партии с исторических позиций – «Магдебургские Центурии». Доказательство неизбежности римской церкви как руководящей и направляющей силы требовало мобилизации всех ресурсов логики и методологии, однако Кампеджи отошёл от традиционной богословской аргументации и отдал предпочтение историко-церковной. Иными словами, он перестал делать упор на неизбежность церкви с моральных или религиозных позиций, а попытался придать этой неизбежности историческую достоверность. Это важный шаг вперёд по пути создания новой исторической концепции католической церкви – концепции, которая восторжествует в «Церковных анналах» Чезаре Баронио.

Ключевые слова: католическая историография, история церкви, научная революция.

В середине XVI в. учёные-схоласты во главе с Мельчором Кано разработали особый метод, позволявший сопоставлять различные аргументы между собой и всегда чётко определять верный. Это сопоставление основывалось на распределении всех тезисов («локусов») на 10 классов. Таким образом, католическая церковь установила иерархию ценности аргументов для тех случаев, когда их приходилось выстраивать по старшинству или сопоставлять друг с другом. Важнейшим из отправных тезисов было утверждение (уходящее корнями ещё в аристотелеву логику), что любое доказательное положение должно быть основано на определённой базе – рациональном (логически бесспорном) доказательстве или авторитете, также бесспорном, но – с точки зрения христианского учения. Квинтэссенцией нового метода стала революционная работа М. Кано «Об аргументах в теологии» (1562)¹. На вершине иерархической лестницы локусов находилось Священное

---

¹ *Сано* 2006. Книга оказалась настолько востребованной, что последовала серия переизданий (Лувен 1564, Венеция 1567, там же 1569 и т.д.). Всего книга Кано была издана на языке оригинала более 30 раз. О методе см.: *Андронов* 2011.

Писание. За ним следовал авторитет Христа и апостолов, католической церкви, Соборов и так далее. На последнем, десятом месте находилась «история человеков» как источник позитивной информации.

Локальный метод представлялся, особенно на первых порах, универсальным средством ведения научной полемики. В силу ряда особенностей (главным образом, установки на иерархическое превосходство утверждений, содержащихся в Священном Писании, над любыми другими тезисами) он казался особенно эффективным в тех конфликтах, в которых авторитетность собственно Писания не могла быть поставлена под сомнение. Особенности надежды возлагались на него как на мощное идеологическое оружие в деятельности Тридентского Собора. Целый ряд ведущих полемистов католической Церкви взяли его на вооружение и стали активно применять, доказывая на практике его неуязвимость с точки зрения господствовавшей тогда формальной логики. Одним из ярких примеров применения этого метода стали труды епископа Томмазо Кампеджи.

Томмазо Кампеджи (Кампеджо, 1481–1564) был представителем известной династии болонских правоведов. Отец его Джованни Кампеджи (1448–1511) был крупным специалистом по каноническому праву. Томмазо, как и его старший брат Лоренцо (1474–1539), по получении университетского образования предпочёл церковную стезю. Судьбы двух братьев в их служении Святому Престолу были тесно переплетены: Лоренцо вступил на дипломатическую стезю в 1511 г., отправившись с деликатным поручением папы Юлия II к императору Священной Римской империи Максимилиану. За успех миссии он был вознаграждён должностью епископа венецианского города Фельтре, на которой вследствие многочисленных ответственных дипломатических поручений пребывал лишь формально. Наконец, в 1520 г. Лоренцо сумел передать кафедру своему брату Томмазо. Тот к этому времени не только успел поучиться в университетах Падуи и Болоньи, но и приобрёл некоторый опыт, сопровождая старшего брата в зарубежных поездках. На время братья как бы «поменялись» своими поприщами: в какой-то момент Лоренцо был в Риме председателем верховного судебного присутствия (*Signatura Justitiae*), а Томмазо – нунцием в Венеции. На самом деле братья занимались одним и тем же делом – стремились не только вести борьбу с нарождающимся лютеранством, но и сплотить новую антитурецкую коалицию. С 1540 г. Томмазо занял пост регента Апостолической канцелярии и теперь покидал Рим только ради богословских диспутов или общецерковных мероприятий.

В частности, в 1540–1541 гг. он принимал участие в Вормском религиозном диспуте, где его противниками были Иоганн Экк и Филипп Меланхтон. Моментом наибольшего влияния Томмазо Кампеджи стал Тридентский Собор, на котором он был одним из виднейших представителей папской делегации. В конце своей долгой карьеры Томмазо Кампеджи выдвинулся в число «наиболее авторитетных канонистов своего времени»².

Три сочинения, оставленные нам Томмазо Кампеджи, являются довольно типичными для его эпохи и ситуации, в которой они были написаны; тем не менее, они несут отпечаток превосходно организованного специального знания, отточенного многолетними юридическими штудиями. Все они относятся к эпохе Тридентского Собора и являются примечательными памятниками католической системы аргументации, максимально усовершенствованной в условиях острого политического противостояния. Эти работы заслуживают изучения не только как яркие примеры исторической мысли католической партии середины XVI века, но и как блестящие примеры применения локального метода к интерконфессиональной дискуссии.

Первое из них было посвящено проблеме, на определённый момент воплотившей в себе самую примечательную претензию «протестующих» к практике Римской Курии – целибату церковников³. По утверждению самого автора, сочинение уже было готово приблизительно в 1549 году⁴, и его выход в свет задерживался в связи с подготовкой следующей книги – автор планировал издать их вместе.

Локальный метод, доведённый теоретиками Саламанки до совершенства, сам по себе бы неспособен обеспечить победу в споре относительно желательности или нежелательности безбрачия духовенства. В самом деле, установленная и детально обоснованная в трудах Мельчора Кано иерархия авторитетности отдельных аргументов не была способна противодействовать тезису «от обратного». Если высшим авторитетом является Священное Писание, то как исходя из этого можно обсуждать вопрос, о котором в Писании напрямую не говорится? Сущность вопроса (по крайней мере, в изложении самого Лютера) такова, что молчание Писания на сей счёт очень красноречи-

---

² Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 1. Sp. 902; Dictionnaire de Théologie Catholique. T. 2, Pt. 2. Col. 1447ss. О династии см. также *Fantuzzi* 1783. V. III. P. 47ss., 77ss.

³ (*Th. Campegii*) De coelibatu sacerdotum non abrogando (далее – *Camp* 1554).

⁴ *Camp* 1554... cit., Epistula dedicatoria (p. n. n.).

во и может быть рассмотрено в качестве «позитивного» аргумента – «этого нет, потому что это не истинно». Вопрос о celibate духовенства особенный – он отличается остротой, обсуждается повсеместно, аргументы противной стороны (то есть лютеран) понятны и просты, а формальный метод, отшлифованный в рамках Второй Схоластики, имеющий универсальное значение, совершенно не годится...

По этой причине от Кампеджи требовалась особенная настойчивость и особенная ловкость в обхождении с механизмами формальной логики. Начальные рассуждения вполне предсказуемы: на протяжении первых 9 страниц Кампеджи доказывает, что девственность и воздержание являются благом. Это было нетрудно, поскольку и Ветхий, и Новый Завет предоставляли на этот счёт множество примеров, среди которых центральными были Иисус Христос и Дева Мария.

Сложнее было доказать, что воздержание и celibate уместны в отношении целого сословия священнослужителей. Первым делом⁵ с помощью простого силлогизма отвергается популярный тезис о том, что брак «священнее» девства, поскольку освящён церковным таинством: мученичество ещё святее, однако никакого таинства не предполагает. Главным оплотом логических построений является тезис о допустимости как одной, так и другой формы сосуществования. Ведь «поскольку мы носим образ того, кто (создан. - ИА) из глины, мы носим и образ того, кто (дан нам. - ИА) с небес. Этот образ и носит девство, носит непорочность, носит святость, носит истина»⁶.

Как же быть с заветом «Плодитесь и размножайтесь», содержащимся, к примеру, в Книге Исхода (гл. 1 и 9)? Кампеджи доказывает, в частности, что поручение, данное всем вместе (*mandatus universitati*), не является заветом каждому в отдельности (*mandatus singulis de universitate*). Этот аргумент сопровождается упоминаниями об известных персонажах античной истории, либо самостоятельно придерживавшихся воздержания, либо положительно о нём отзывавшихся. После ряда цитат из античных и раннехристианских авторов, которые иллюстрируют как допустимость воздержной жизни, так и неудобства при некоторых обстоятельствах жизни в браке, автор кратко описывает в историческом разрезе отношение к этой проблеме в римской церкви. Кампеджи признаёт, что в первые четыре века христианства к служению допускались женатые священники, а затем в Каноны апостольские было включено постановление о том, что священнослужители должны

---

⁵ *Camp* 1554... cit., p. 32-33.

⁶ *Ibid.* P. 32.

придерживаться безбрачия. В поисках мотивов Кампеджи не проявляет ни особенной оригинальности мышления, ни какой-либо эрудиции. Так, отсутствие требования к celibату священников в первые века христианства было объяснено отсутствием достаточного количества безбрачных («равно как в войско набирали и больных в тех случаях, когда сильных воинов было недостаточное количество»⁷). Дальнейшее изложение состоит из перечисления постановлений церковных Соборов, подтверждавших безбрачие духовенства, а также норм, позволяющих вступление в брак «священников греческого обряда».

Аргументация Кампеджи не отличается оригинальностью, однако её не следует требовать от данного произведения. Роль, отводимая ему в интерконфессиональной полемике, подчеркнута «Посвятительным письмом». Оно было обращено знакомому Кампеджи по первой сессии Тридентского Собора кардиналу Реджинальду Поулу и отражало энтузиазм католических интеллектуалов по поводу новой английской королевы. Для нас нынешних Мария «Католичка» – это популярный топос не только английской истории, но и тех культурных сред, которые идут у английской (протестантской) на поводу. Из «Посвятительного письма» Кампеджи следует иная картина – надежда на скорый триумф католичества, несомненным признаком которого стало восшествие на английский престол именно Марии Тюдор. Помимо похвал в адрес королевы, которая «вернула британское королевство в лоно истинной Церкви, являющейся единственной для всех христиан матерью и кормилицей»⁸, упоминания заслуживает и уверенность Кампеджи в том, что приход Марии Тюдор к власти – это, помимо прочего, понятный всей «истинной церкви» сигнал умножить усилия в борьбе с инакомыслящими. Этот сигнал Кампеджи воспринял и на личном уровне: по его собственным словам, актуальность исследований о необходимости celibата священнослужителей и второго – об авторитете Римского папы – после появления в Англии новой королевы резко возросла. Характерно, что, к примеру, хроника Тридентского Собора не играет ни символической, ни непосредственной роли в стимулировании творческих усилий Томмазо Кампеджи. Как такое могло быть? Очевидно, дело не в том, что Тридентский Собор для его непосредственных участников и активных деятелей был менее значимым событием, чем приход к власти на окраине Европы королевы-католички. Тридентский Собор был естественным фоном, на котором развивались

---

⁷ Ibidem, p. B4.

⁸ Ibidem, p.*2 r et v.

события, в рамках которого писались и публиковались церковно-юридические и церковно-исторические сочинения, и для тех представителей римской Церкви, которые жили в условиях Собора, он был общей для всех повседневностью. Иными словами, «изнутри» Собора события видятся несколько в преломлённом изображении; под таким углом зрения приход к власти Марии Тюдор виделся поворотным, знаковым событием.

Вторая из выпущенных Кампеджи книг называлась «Об авторитете и власти Римского Папы»⁹ и была издана в самом престижном издательстве – у Паоло Мануцио, сына знаменитого Альдо. Выпуская эту книгу, епископ Фельтре выполнял волю папы Пия IV. Эта книга была написана быстро, в тот момент, когда дальнейшая судьба Тридентского Собора была не вполне ясна. Проблема соотношения авторитета пап и Вселенских Соборов, как мы знаем, была одной из важнейших как в системе критики римской церкви со стороны лютеран, так и в историческом плане – в рамках протестантской концепции. Тем не менее, исследование Кампеджи пропитано и совершенно новой актуальностью. Каковы полномочия Собора не *ad hoc*, а в более далёкой перспективе? Может ли Папа произвести резкий поворот в политике Церкви, отклоняясь от решений только что созванного Собора? Очевидно, построенное при помощи механизмов Схоластики сочинение видного иерарха католической церкви было направлено на то, чтобы обеспечить Курию доктринальными основаниями любого дальнейшего маневра. Этот маневр в конце концов не был совершён, но возможность для него была подготовлена на случай необходимости; отметим, с одной стороны, отсутствие официозного позиционирования книги с помощью привычных механизмов (типа папской «привилегии»), а с другой – наличие посвяtitельного письма папе, явно свидетельствующего о желательности такой публикации и о поддержке её из Рима. Кроме того, небольшой формат книги (*in 8°*) указывает на то, что она предназначалась для ношения с собой и использования в диспутах в качестве «шпаргалки», а не в учёной дискуссии.

Рассуждения о могуществе Папы, как указывалось выше, не были целью «в себе», а подчинялись более насущной надобности. Этим настоящая книга особенно ценна: она тезисно представляет основные, казавшиеся католической партии бесспорными базисные аргументы, на которых далее возводятся необходимые логические конструкции.

---

⁹ *Campegius Th. De Auctoritate, et Potestate Romani Pontificis, et alia opuscula.* (далее – *Camp* 1555). 225 fol.

Начинается книга с развёрнутой, аргументированной рядом ссылок на Евангелие от Иоанна и его наиболее авторитетных комментаторов, констатации главенства Христа надо всей христианской церковью. Как утверждал когда-то св. Фома Аквинский (*Summa contra gentiles* 4:24), Иисус не был бы подлинным отцом христианской семьи, если бы не оставил кого-нибудь во главе церкви на Земле, дабы справляться с насущными потребностями этой церкви в земной жизни. Заранее решительно отводится возможная инсинуация о том, что Христос, находясь на небесах, не способен сам управлять церковью или нуждается в помощнике. Будучи всемогущим, он тем не менее не должен делать всё сам, как не должен отец семейства лично обрабатывать все поля, строить все дома и сажать все деревья¹⁰. Другим классическим примером схоластической логики является утверждение о том, что использование будущего времени во фразе „*Super hanc petram aedificabo ecclesiam meam, et tibi dabo claves*“ (Мф 16:18-19, так у Кампеджи) является фигурой речи, в целом типичной для языка Библии. В качестве примера приводится 31 книга пророка Иезекииля, в которой предсказание будущего сделано в грамматической форме прошедшего времени. Подобные умозаключения были, конечно, не новы; Кампеджи приводит в пример Августина, Илария Пиктавийского, а также Иоанна Златоуста, Анаклета и некоторых других церковных авторов.

Как бы то ни было, ключевой формулой передачи власти над земной церковью стали слова из Писания *Pasce oves meas* («Паси овец Моих», Иоанн 21:17), сказанные лично Петру, а не всем апостолам. Эта глагольная форма оставляет гораздо меньше возможностей для своевольной интерпретации, поэтому весьма удобна с точки зрения полемики. Таким образом, с помощью прикладной грамматики автору удалось «убрать в тень» гораздо более известную и яркую фразу о Петре-камне, основанную к тому же на запоминающейся игре слов.

Итак, постулаты о верховенстве Христа и принадлежащем ему праве назначить наместника в Церкви были отправными точками логического рассуждения итальянского епископа. Среди оппонентов лютеран был популярен тезис о том, что Иисус, обращаясь к Петру со словами о камне, имел в виду всех Апостолов и использовал Петра лишь как эвфемизм для любого из своих учеников¹¹. С целью отвести

---

¹⁰ *Camp 1555... cit.*, f. 2r-3r.

¹¹ В «Магдебургских Центуриях» это положение будет упомянуто неоднократно. См., напр., *Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra*

этот аргумент приводятся довольно пространные рассуждения о том, что Пётр существенно выделялся на фоне других учеников Иисуса: он ходил по воде, только к нему были обращены некоторые фразы Иисуса (Лк 5:4, Лк 22:32 и др.). При перечислении Апостолов его также часто называли первым¹². Это и есть пресловутый *Primatum Petri* – тезис о Первенстве Петра среди учеников Иисуса, получивший своё подтверждение в Канонах Анаклета произведениях Кирилла Александрийского, Евсевия, Иеронима, Августина, Иоанна Златоуста и других авторов. Довольно пространно пришлось формулировать выгодную интерпретацию известных пассажей Св. Писания, в которых Иисус обращался подчёркнуто ко всем апостолам (Ин 20:22, Мф 19:27, 23:8). Они, как заключает Кампеджи, никак не ставят под сомнение исключительный авторитет Петра среди Апостолов.

Ещё до начала обсуждения проблемы преемственности между Петром и его наследниками Кампеджи поднимает самый насущный, по его мнению, вопрос – вопрос о «праве ключей». Если протестанты воспринимали «ключи Церкви» как имеющееся у иерархов церкви право допускать верующих до церковных собраний или отказывать им в этом (посредством отлучения), то у Кампеджи мы встречаем гораздо менее конкретную трактовку. Она основывается на двух цитатах – из Евангелия от Луки (11:52 *Vae vobis legis peritis, qui tulistis clavem scientiae...*) и из комментариев Иеронима на 16 главу Евангелия от Матфея. В Евангелии от Луки слово *clavis* употреблено в единственном числе. Кампеджи, как и все современные ему богословы, употребляет его во множественном. В названии этих ключей (а св. Петр часто канонически изображается именно с двумя ключами) противопоставляются понятия «порядка» (*ordinis*) и «юрисдикции» (“*iurisdictionis*”), или же пара «знание» – «власть»¹³. Кампеджи всячески стремится до-

Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. Basileae, apud Iohannem Oporinum. Cent. I, 1559, p. 175: «Христос не пожелал ставить Петра во главу или в основу Церкви. Ибо говоря «Ты есть Петр, и на этом камне я построю мою церковь» (Мф 16), он превознёс не человека, а вероисповедание, которое высказал Петр не только от своего имени, но и от имени остальных учеников, и именно это вероисповедание он утвердил в качестве будущего вечного фундамента Церкви».

¹² *Самп* 1555... cit., 5v-7r. Формула-вывод о том, что, обращаясь к Петру, Иисус имел в виду только Петра, разъясняется в 11r et v.

¹³ Понятия «ключи порядка» и «ключи юрисдикции» широко употреблялись в католической догматике, в то время как «ключи знания» упоминаются в Еванге-

казать, что Петр получил ключи для Церкви и что теперь они принадлежат ей и материализуются в лице Папы. Важной является также глава XI книги (26v-28v), в которой доказывается, что Пётр получил свою власть непосредственно от Христа и что другие Апостолы это признали. Кампеджи обращается к авторитету Канона Анаклета, который, как мы знаем, не имел для лютеран никакой доказательной силы. Далее следовало доказать преемственность относительно «права ключей» между Петром и наследниками римского епископского престола. Основанием для доказательств этих суждений являются как мнения некоторых Отцов, так и якобы существующие документы, в которых римские императоры это признавали (39r-46v). В частности, цитируется письмо «Императора Константина VI» папе Агафону; как мы знаем, между понтификатом Агафона и правлением византийского императора Константина VI пришло примерно столетие¹⁴.

В дальнейших довольно пространных рассуждениях о главенстве римской церкви над константинопольской, пап над императорами и прочее можно выделить только один любопытный момент, а именно появление в полемике старого тезиса об «обоюдоостром мече», который некоторое время не был в ходу; протестанты тоже будут редко пользоваться этой интересной категорией, унаследованной из схоластической юриспруденции, и лишь во второй половине XVII века она снова станет исключительно популярной даже среди светских историков. Речь идёт о концепции, согласно которой власть (*gladius*, «меч») имеет двоякую природу – светскую (*temporale*, что имеет также оттенок «временности») и духовную (*spirituale*), что соответствует двум режущим граням этого меча. Только в распоряжении Папы имеется «обоюдоострый меч» (*uterque gladius* – буквально «и тот, и другой»), что, в свою очередь, ставит его и над прочими епископами (имеющими в своём распоряжении лишь духовную власть), и над светскими государями. Это доказывается разнообразными эпизодами из истории,

---

лии (Лк 11:52). Кампеджи опирался на труды Франсиско де Витория (ок. 1486–1546; труды конца 1520-х – начала 1530-х гг.), опубли. в: *Chaves* 1569. P. 177v.; 1571. В свою очередь, де Витория опирался на традицию, укоренившуюся в трудах Торквемады и кардинала Каэтана. Подробно об этом: *Radrizzani Goñi* 1967.

¹⁴ Кстати, довольно характерно обращение именно к императору Константину VI («Слепому»). Это был последний византийский император, признаваемый со стороны лютеран в качестве законного наследника римского престола. Далее коронация Карла Великого папой Львом обеспечила *Translatio Imperii*. Таким образом, выбор Константина должен был предупредить предсказуемые возражения оппонентов-лютеран.

комментируемыми в выгодном для католической стороны ключе. Так, вспоминается, что до того, как «германцам было даровано право избирать императора», каждый император приносил клятву верности римскому первосвященнику (56v). При этом, к слову, даже не делается попытки придать этому явлению обязательный и всеобщий характер: приводятся лишь отдельные «примеры» (Генрих IV, Оттон IV, Фридрих II, Генрих VII, Людовик Баварский), которые, конечно, могут произвести впечатление на несведущего читателя или слушателя, особенно если он не знает, сколько этих императоров было и является ли приводимая информация полностью истинной. То же происходило «с французскими королями», а после смерти Фридриха II даже византийский император обратился к папе – как к равному! – для воссоздания единой империи, но получил отказ.

Учение о соединении верховной духовной и светской власти в руках папы, которое аллегорически представляется образом «обоюдоострого меча», опирается на отсутствие (!) указания в Евангелии на то, что это не так. В самом деле, сказав Петру «Паси моих овец», Иисус не провозгласил особенный статус светских властителей!¹⁵ Кампеджи отклоняет толкование, предложенное Иоанном Златоустом и Феофилактом, согласно которой эти «мечи» интерпретируются иносказательно, как символ крепости духа. Ему ближе более буквальная трактовка Амвросия (также довольно иносказательная), согласно которой один меч служил для защиты в доевангельские времена, а другой – духовный – в послеевангельские; *uterque gladius* находит своё воплощение непосредственно в Евангелии. Кампеджи приводит и другие интересные толкования этого понятия – телесное и бестелесное, Ветхий и Новый Заветы (см. 51r et v). Отзвуком острых диспутов звучат слова Кампеджи о том, что ему смешна и жалка ирония тех, кто в своих речах сомневается, что двумя мечами можно устрашить вооружённое до зубов воинство Сатаны.

Несколько глав сочинения Кампеджи¹⁶ направлены против популярных тезисов о превосходстве авторитета церковных Соборов над авторитетом папы. В качестве объекта для полемики было использовано сравнительно малоизвестное аббата Николо Тедески (Тудески) «О

---

¹⁵ *Camp* 1555... cit., p. 46r. «Так можно заключить из слов Христа. Сказав Петру «Петр, любишь ли ты меня? Паси овец моих», он не исключил из них царей и земных властителей. Значит, цари находятся под (властью) наследников Петра, подобно овцам под (властью) пастыря».

¹⁶ *Camp* 1555... cit., p. 63-90.

власти Собора и Папы»¹⁷. Кампеджи упрекает его и некоторых его единомышленников в излишне буквальном следовании нормам, хотя при этом сам ссылается на десятки Канонов. Отдельно критикуется и опровергается практика Констанцкого собора, который избрал папой Мартина V. Дело в том, что этот собор как до, так и после избрания папы поднимал вопрос об «исправлении решений» папы и возможности его низложения. Конечно, признавать серьёзность таких претензий было нельзя по политическим причинам, ибо это могло бы самым губительным образом сказаться на практике текущего Тридентского Собора. По этой причине, во-первых, напоминает, что Мартин не согласился с этим решением, а во-вторых, для убедительности в полемику вплетается самое страшное для католической церкви былых веков воспоминание – Иоанн Гус и его проповеди. Когда-то на Соборах в Констанце и Базеле иерархи позволили себе в борьбе с Гусом некоторые неаккуратные высказывания, которые спустя почти полтора столетия могли быть привлечены для попытки низвергнуть тезис о вселенском могуществе папства. Как мы знаем, в Констанце и Базеле, помимо гуситской ереси, обсуждался вопрос о главенстве решений Соборов над мнением папы. Теперь необходимо было провести чёткие границы применимости этих тезисов, в полном соответствии с локальным методом. С помощью аналогий и подмены понятий Кампеджи защищает высказанную ранее точку зрения, причём имя Гуса, ещё носившее определённый полемический смысл и бывшее одним из ориентиров для оппонентов-лютеран, здесь используется очень осторожно. В конце концов автор книги приходит к утверждениям о том, что именно папа утверждает или отклоняет решения Соборов (113г и далее), имеет право вообще аннулировать (*damnare*, букв. «проклясть») тот или иной Собор, «созванный без необходимости» (110v и далее) и никоим образом не должен чувствовать себя связанным решениями любого, даже самого благочестивого и праведного, Собора (104v и далее).

К сочинению Кампеджи прилагались несколько дополнительных рассуждений о частных вопросах папской юрисдикции. Так, рассматриваются вопросы о возможности для церковников обладать светским имуществом (147 и далее), светской властью (157 и далее), о праве решать различные вопросы светской жизни (последним провозглашается право папы отменить брак, если он заключён еретиком, 213 и далее).

---

¹⁷ (*Tudeschis*) 1539. 160 f. Нормативными для римской церкви по данному вопросу были труды Хуана Торквемады. (*Turrecremata*) 1480. 46 f.

Кампеджи задаётся вопросом: Может ли папа впасть в грех симонии?¹⁸. Конечно, не может! Приведём пример ловкой аргументации Кампеджи. Среди возражений оппонентов-протестантов приводится тезис о том, что коль скоро Иисус изгнал торговцев из Храма (Мф 21, Ио 2), он тем самым наложил божественный запрет на любую продажу или покупку бенефициев (162v). Опровержение (165 r et v) основывается на том, что при совершении сделки купли-продажи от продавца к покупателю переходит не только собственно имущество, но и право обладания им, которое является субстанцией духовной. Второе «сопровождает» первое и без него, строго говоря, не существует. Духовная субстанция вообще, как следует из сочинений св. Фомы, подлежит обладанию лицами духовного звания. Если же имущество само по себе должно быть использовано в церковных целях (он призывает в качестве примера «священные сосуды»), то происходит переподчинение мирской ценности ценности духовной, а значит, что никакого конфликта не возникает, и проблема исчерпана. Аргументация носит сугубо юридический характер: поскольку речь идёт о продаже того, чего в апостольские времена просто не существовало, то оно просто находится в руках правообладателя и, следовательно, может быть им продано (164v). Духовное не может быть продано само по себе, а если оно отождествлено с материальным, то продаётся только материальное. Подобных тезисов и их опровержений всего десять штук, и все они примерно одного качества.

Третье сочинение епископа-юриста называлось «Об авторитете св. Соборов»¹⁹; оно также вышло в Венеции, но в гораздо менее фешенебельном издательстве – у Микеле Трамедзино. Главная идея книги такова: Собор, все прерогативы которого, казалось бы, возвеличиваются и выставляются на всеобщее обозрение читателей, на самом деле находится в полной зависимости от папской воли. По каким причинам может быть созван Собор? Многие из них прямо или косвенно связаны с авторитетом или властью папы. Например, разногласия между христианскими государями (в этом случае папа может не просто ввязаться в конфликт, но и созвать Собор), впадение императора в ересь, необходимость реформирования церкви, для проведения мирных переговоров между христианскими государями и так далее. В каждой отдельной ситуации говорится, что именно Папа может выступать инициатором созыва Собора. В то же время автор сомневается (2v-3r), что папа должен созывать Собор для разрешения своих сомнений в вопросах веры

---

¹⁸ *Camp 1555... cit.*, 162r-169.

¹⁹ *Campegius Th. De auctoritate sacrorum Conciliorum* (далее – *Camp 1561*). 79 ff.

или что Собор должен созываться в случае, если Папа, к примеру, захвачен врагами или сошёл с ума.

Основным источником для этой книги Кампеджо является история церковных Соборов, основанная в первую очередь на постановлениях этих самых Соборов или другой их документации. Во многих случаях (например, в рассуждениях о том, в каком месте следует созывать Собор) автор опирается на собственные рассуждения, но никогда не забывает напомнить, что решения принимает только Папа. Кто председательствует на Соборе? Кто определяет круг участников? Кто определяет кары неявившимся? Кто определяет причины, по которым приглашённому (или вызванному) на Собор можно не явиться? Каждый раз за более или менее аргументированными тезисами просматривается фигура римского понтифика. В каком порядке следует рассаживаться на заседаниях Собора?

На листах 40v-44v подробно рассматривается иерархия авторитетов, и только первое лицо, которого сажают на самое почётное место, не подлежит никакому обсуждению. Следует ли сажать французского короля на более почётное место, чем Императора?²⁰ С одной стороны, *translatio Imperii*, казалось бы, указывает однозначно на превосходство данного светского государя над остальными; с другой, французский король обладает особым титулом «христианнейшего», что также ставит его в привилегированное положение. По большому счёту, вопрос остаётся открытым: хотя история и знает примеры совместного присутствия двух и даже четырёх императоров, Империя всё равно была одна, и императоры-соправители (разумеется, античной эпохи) представляли один политический субъект. Вывод в общих чертах такой: если иное не подразумевается возможной ситуацией с наследованием короны, то «христианнейший государь» должен сидеть на следующем после императора месте, первым среди королей христианского мира.

Из остальных поднятых в книге проблем выделим две. Одна из них (глава 22, 57r-59v) касается того, каким образом Собор получает свою *potestas* (прерогативы власти, право на власть) от Иисуса Христа. Целый ряд соборных документов (в том числе – Констанцкого собора) констатировал получение власти принимать решения от Иисуса Христа; однако, поскольку мы знаем, что право на власть Иисус передал только Петру и никому другому, декрет Констанцкого собора не может отменять данное в Писании.

---

²⁰ *Camp* 1561... cit., 45r и далее

Может ли вообще ошибаться римский Папа или Собор²¹? С помощью многочисленных цитат из свв. Отцов (главную роль играют Кирилл и Ориген) Кампеджи подтверждает, что библейская цитата «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» может относиться и к данному случаю. Данная фраза (которая здесь, как и всегда в католических сочинениях, интерпретируется буквально как *assistentia Spiritus Sancti promissa a Domino Iesu Christo*) относится не к личности Папы, а к его должности; рассуждать неверно Папа может, поскольку он рассуждает как личность. Выносит решение, напротив, он «по должности», поэтому готовое решение сомнению и обсуждению не подлежит. Он может ошибаться по отдельным частным вопросам, однако до вынесения окончательного решения, в котором его ведёт святой дух.

Что же касается Собора, то, если он созван должным образом и в соответствии с принятыми процедурами, то отдельные его члены ошибаться в вопросах веры могут, а все – нет. Сила Собора заключается именно в коллегиальности. Ведь даже св. Бернард писал: «Какая гордыня может сравниться с тем, когда один человек ставит своё суждение превыше всего Собрания, будто бы он один обладает Духом Божиим?»²² Однако для того, чтобы это было так, Собор должен протекать законным образом, то есть в обстановке консенсуса с понтификом или даже прямого его одобрения. В истории имеется несколько примеров того, как Соборы, разойдясь во мнениях с Папой, принимали решения, которые впоследствии не выдержали испытания временем. Разумеется, примеры (из практики Халкедонского, Риминского и Аквилейского Соборов) подобраны очень тщательно. Целый ряд свидетельств из св. Отцов указывает на нежелательность постановки всей Церкви в зависимость от мнения одного человека. Однако, если тот или иной случай сомнения не вызывает, разве будет Папа созывать для принятия решения целый Собор? Ведь даже св. Пётр осудил волхва Симона, который собирался купить Святой Дух за деньги!

Далее. Если Папа вдруг замыслит нечто против Божественного или естественного права и встретит в этом сопротивление Собора, то надо следовать решению Собора, а не Папы. В том же, что касается внешнего устройства церкви, то если члены Собора вознамерятся изменить уже существующее постановление и встретят в этом сопротивление Папы, то следует считать правым последнего²³. Подробно пере-

²¹ *Camp* 1561... cit., 69r-73r.

²² Цит. по *Camp* 1561... cit., 73v.

²³ *Camp* 1561... cit., 74r: «В том же, что касается политики, если Отцы пожелают при противодействии Римского понтифика отменить старинное постановле-

числяются принятые ранее (в том числе и на Соборах) критерии, по которым разработка того или иного нового закона признаётся уместной. Их довольно много, и они, по идее, должны служить гарантией того, что новая норма действительно необходима и уместна.

Вообще, эта небольшая книга производит яркое впечатление. По форме она провозглашает разнообразные прерогативы Соборов, по содержанию – верховную власть Папы. Так получается, что практически каждая прерогатива Собора (за исключением, пожалуй, только сделанной выше оговорки относительно божественного или естественного права) оказывается очень обширной, но в конце концов упирается в необходимость подчиниться верховной воле Папы. О ней напоминает только один раз по каждой прерогативе, как правило, к концу её рассмотрения, и общая картина – в соответствии с эстетическими воззрениями той эпохи – получается всеобъемлющей и позитивной. Очевидно, на Тридентском Соборе были люди, которых эта картина полной покорности Папе устроить не могла, но для этого они, следуя нормам царившей тогда формальной логики, должны были отказаться и от исходных положений. Иными словами, они либо признавали всемогущество Собора в пределах, аккуратно указанных епископом Фельтре, либо вообще отказывались от него как от логической категории, на которой можно было бы устно или письменно, сейчас или потом обосновывать собственные тезисы.

Роль сочинений Кампеджи в полемике заключалась, главным образом, в демонстрации недостаточности старых, сугубо богословско-юридических аргументов. Для нас они представляют интерес как образец рассуждений католической партии на определённом этапе, а также как литература *ad hoc*, составленная на случай, если Собор выйдет из-под папского контроля. В то напряжённое время книги играли роль не только места или формы хранения информации, но и средства общения, управления и борьбы. В данной ситуации книги Кампеджи – это памятка для своих и суровое предупреждение для эвентуальных диссидентов, для тех, кто в решающий момент способен проявить колебания.

Книги Кампеджи не были историческими сочинениями и не опирались развёрнуто на исторический материал даже для аргументации. Тем не менее, присутствие исторического материала подспудно прочитывается на каждой странице. Дело здесь не только в том, что критика со стороны как непосредственно Лютера, так и ряда поколений

ние, то следует следовать мнению Римского понтифика, ибо что однажды было принято, не может быть отменено, если Папа не согласен».

его последователей была *rag excellence* исторической, и взятая противоположной стороной установка на аргументацию из истории предполагала, что в ответных сочинениях других жанров опровержения будут так или иначе рассчитаны на возможность применения к этому самому историческому материалу. Дело ещё и в том, что ответом на исторически фундированную критику могло быть либо последовательное опровержение каждого отдельного исторического доказательства одного за другим, либо демонстрация того, что объявляемое греховным положение при определённых условиях вполне допустимо (как, например, в случае с celibатом священников), а значит, не может быть инкриминировано в вину Церкви как институции. Первое в силу своей трудоёмкости было крайне затруднительно, тем более что для опровержения такого рода требовалась прямо-таки колоссальная фактологическая база. Эту попытку, после ряда не слишком удачных опытов, доверяют кардиналу Чезаре Баронио, и в свет выйдут его «Церковные Анналы»²⁴.

Кампеджи стремился решить проблему наиболее простым и рациональным способом, не только приготавливая аргументы для дебатов в Тренто, но и пытаясь предупредить построение масштабных исторически фундированных концепций. Работы Кампеджи были срежиссированным Курией контрударом, призванным предупредить разрушительные идеологические последствия появления масштабного сочинения, основанного на систематическом обращении к достоверному, наиболее добротному с точки зрения уровня тогдашнего источниковедения историческому материалу. Нет никакого сомнения, что сочинения Кампеджи появились не сами по себе и не как результат замысла одного отдельного церковного функционера, а были поручены ему самыми влиятельными силами католической церкви. Практически, перед нами – последняя крупная попытка католической церкви удержать интерконфессиональный диспут вне рамок церковной истории, сугубо на догматике. Избегая аргументации из «истории человека», Курия попыталась сохранить богословский характер диспута. В произведениях Кампеджи мы видим попытки ограничиться обычными аргументами из Писания и авторитетных церковных писателей, использование всех достижений – экзегетики, логики, церковного права – во избежание исторической аргументации.

---

²⁴ Дальнейшей борьбе Курии против лютеранской историко-церковной концепции посвящено исследование Orella y Unzuе Jose L. de. *Respuestas catolicas a las Centurias de Magdeburgo (1559-1588)*. Madrid, 1976. 637 pp.

Тем не менее, эти сочинения следует рассматривать в контексте эволюции церковной историографии XVI в. Несмотря на свой юридический облик, они опираются на данные прошлого. Факты из Писания являются незыблемыми для всех христиан; если противники-лютеране провозглашают Библию единственным источником Истины, то для полемики против них показалось особенно уместным обосновать свои аргументы на цитатах из неё. Как бы то ни было, для деятеля Курии Библия являлась наиболее бесспорным источником данных из истории. В самом деле, принятая католиками на раннем этапе полемики концепция опиралась на представление о незыблемости реального статуса римской церкви в мире, об отсутствии новшеств и фактическом соответствии изначальному положению дел, установленных в евангельскую эпоху. По этой причине исследование перипетий истории Церкви теряло свою актуальность, а максимальное значение придавалось непосредственной связи современности с эпохой Иисуса; Священное Писание как источник вполне удовлетворяло потребности Курии в ведении полемики. Для приближающейся научной революции в области историографии большое значение имел способ применения локального метода.

Цель трудов Кампеджи, по его представлению, далеко превосходила по важности любую историю человеческого общества. Доказательство незыблемости римской церкви как руководящей и направляющей силы требовало мобилизации всех ресурсов логики и методологии, однако Кампеджи отошёл от преимущественно богословской аргументации, традиционной для католической литературы предшествующего периода, и отдал предпочтение историко-церковной. Иными словами, он перестал делать упор на незыблемость церкви с моральных или религиозных позиций, а попытался придать этой незыблемости историческую достоверность. Это важный шаг вперёд по пути создания новой исторической концепции католической церкви – концепции, которая восторжествует в «Церковных анналах» Чезаре Баронио.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 1, Hamm, 1975, Sp. 902.
Campegius Th. De coelibatu sacerdotum non abrogando. Venetiae, 1554.
Campegius Th. De Auctoritate, et Potestate Romani Pontificis, et alia opuscula. Venetiis, 1555. 225 fol.
Campegius Th. [Camp 1561]. De auctoritate sacrorum Conciliorum. Venetiae, 1561. 79 ff.
Cano M. De locis theologicis (ed. Belda Plans J.). Madrid, 2006, 546 pp.
Chaves Th. Summa Sacramentorum Ecclesiae cum tractatu de Excommunicatione. Venetiis, 1569. P. 177v.
Chaves Th. Summa sacramentorum ecclesiae ex doctrina fratris Francisci a Victoria, Ordinis Praedicatorum apud Salmanticam olim primarii Cathedratici, per reveren-

- dum patrem Praesentatum Fratrem Thomam à Chaves illius discipulum. Romae, 1571. 386 p.
- Dictionnaire de Théologie Catholique. T. 2, Pt. 2, Paris, 1923. Col. 1447 ss.
- Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. Cent. I, pars I. Basileae, apud Iohannem Oporinum, 1559. 393 p.
- Fantuzzi G.* Notizie degli scrittori Bolognesi. V. III, Bologna, 1783, p. 47ss., 77ss.
- Orella y Unzue Jose L. de.* Respuestas catolicas a las Centurias de Magdeburgo (1559-1588). Madrid, 1976. 637 pp.
- Radrizzani Goñi J.F.* Papa y obispos en la potestad de jurisdiccion segun el pensamiento de Francisco de Vitoria O.P. Roma, 1967. 289 p. P. 39-47.
- (Tudeschis N. de).* Consilia, Quaestiones et Tractatus Panormitani. S. I., 1539. 160 f.
- (Turcremata J. de).* Tractatus notabilis de potestate Papae et concilij generalis. Coloniae, 1480. 46 f.
- Андронов И.Е.* Учение о локусах и методология истории в XVI столетии. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5, 2011. С. 205-211.

BIBLIOGRAFIJA

- Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 1, Hamm, 1975, Sp. 902.
- Campegius Th.* De coelibatu sacerdotum non abrogando. Venetiae, 1554.
- Campegius Th.* De Auctoritate, et Potestate Romani Pontificis, et alia opuscula. Venetiis, 1555. 225 fol.
- Campegius Th.* [Camp 1561]. De auctoritate sacrorum Conciliorum. Venetiae, 1561. 79 ff.
- Cano M.* De locis theologicis (ed. Belda Plans J.). Madrid, 2006. 546 p.
- Chaves Th.* Summa Sacramentorum Ecclesiae cum tractatu de Excommunicatione. Venetiis, 1569. P. 177v.
- Chaves Th.* Summa sacramentorum ecclesiae ex doctrina fratris Francisci a Victoria, Ordinis Praedicatorum apud Salmanticam olim primarii Cathedralici, per reverendum patrem Praesentatum Fratrem Thomam à Chaves illius discipulum. Romae, 1571. 386 p.
- Dictionnaire de Théologie Catholique. T. 2, Pt. 2, Paris, 1923. Col. 1447ss.
- Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. Cent. I, pars I. Basileae, apud Iohannem Oporinum, 1559. 393 p.
- Fantuzzi G.* Notizie degli scrittori Bolognesi. V. III, Bologna, 1783, p. 47ss., 77ss.
- Orella y Unzue Jose L. de.* Respuestas catolicas a las Centurias de Magdeburgo (1559-1588). Madrid, 1976. 637 pp.
- Radrizzani Goñi J.F.* Papa y obispos en la potestad de jurisdiccion segun el pensamiento de Francisco de Vitoria O. P. Roma, 1967. 289 pp. P. 39-47.

(*Tudeschis N. de*). Consilia, Quaestiones et Tractatus Panormitani. S. l., 1539. 160 f.
(*Turrecremata J. de*). Tractatus notabilis de potestate Papae et concilij generalis.
Coloniae, 1480. 46 f.

Andronov I.E. Uchenie o lokusah i metodologija istorii v XVI stoletii. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 5, 2011. S. 205-211.

Андронов Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова; *orgizomenos@gmail.com*.

Historicism and local method in Tommaso Campeggi's works of 1554-1561

The inter-confessional dispute in the Confessional age revealed the insufficiency of the traditional polemic methods. Therefore, the debate moved gradually to the Church history matters. The works by Catholic bishop Tommaso Campeggi sign the transition from the dominating local method to the tendency to base ideological theses historically. While discussing a number of topical Church routine issues, the theologian tried to prevent the massive blow of the opposing party made on historical basis – the so-called Centuries of Magdeburg. To prove the unassailability of the Catholic Church was to mobilize all resources of logic and methodology, but Campeggi preferred the arguments of Church history to the traditional theological ones. In other words, he did not attempt to demonstrate moral or doctrinal truth of the Church but chose to show its historical authenticity. This was an important step forward on the way of creating a new historical concept of the Catholic Church – the concept that would emerge victorious in the 'Ecclesiastical Annals' by Cesare Baronio.

Keywords: Catholic historiography, Church history, Scientific Revolution.

Ilya Andronov, Ph.D., Associate professor, Moscow State Lomonosov University;
orgizomenos@gmail.com.